

Ли́ра Ветро́ва

ИЗМЕНА.

БОСИКОМ ПО СТЕКЛУ

Ты разбил меня.
Но не сломал.

Я иду дальше

18+

Ли́ра Ветро́ва

И́змена. Бо́сиком по сте́клу

<https://litres.ru/74435457>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж попал в аварию с моей лучшей подругой.

Она погибла.

Он выжил.

А потом открыл глаза и забыл последние четырнадцать месяцев. Забыл её. Их тайную квартиру. Их постель. Забыл, как предавал меня снова и снова.

Только я помню всё.

И теперь мужчина, которого я люблю и ненавижу одновременно, пытается понять, кем стал за эти месяцы.

А мне предстоит решить, можно ли однажды снова выбрать человека, который уже разбил тебя вдребезги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ли́ра Ветро́ва

И́змена. Бо́сиком по стеклу́

Мой муж попал в аварию с моей лучшей подругой.

Она погибла.

Он выжил.

А потом открыл глаза и забыл последние четырнадцать месяцев. Забыл её. Их тайную квартиру. Их постель. Забыл, как предавал меня снова и снова.

Только я помню всё.

И теперь мужчина, которого я люблю и ненавижу одновременно, пытается понять, кем стал за эти месяцы.

А мне предстоит решить, можно ли однажды снова выбрать человека, который уже разбил тебя вдребезги.

Глава 1

Мой муж должен был умереть этой ночью. Эта мысль пришла мне в больничном коридоре, когда врач спросил, знаю ли я женщину, которую достали из машины вместе с Глебом. Я ещё не плакала. Не могла. Сидела на жёстком пластиковом стуле в тёмно-синем платье, которое купила к нашей годовщине, держала в ладони его телефон и смотрела на треснувший экран. По стеклу расползлась белая паутина, а под ней горело последнее сообщение: «Ты опять вернёшься к ней?». От Алины. От моей Алины. Женщины, которая три дня назад сидела у меня на кухне, ела мороженое из коробки и рассказывала, что влюбилась в женатого мужчину. Я тогда гладила её по плечу, наливала чай и говорила, что нельзя строить счастье на чужой боли. Какая же я была дура.

Врач что-то объяснял про внутреннее кровотечение, ушиб лёгкого, операцию и ближайшие часы, а я слышала слова кусками. В голове всплывали чужие сообщения. Глеб был без сознания. Полиция отдала мне его вещи в прозрачном пакете. Кошелёк, часы, ключи, обручальное кольцо на пальце, которое в больнице сняли и тоже положили туда. Телефон включился от касания. Пароля я не знала много лет и никогда не пыталась узнать. В этот раз экран открылся по лицу Глеба, когда медбрат перекладывал его на каталку. Так я и увидела переписку.

Переписка с Алиной тянулась месяцами. Я листала её медленно, потому что пальцы перестали слушаться. «Скучаю». «Сегодня не смогу, Маша заболела». «Я сниму нам квартиру, отели достали». «Не звони после десяти, Вера дома». «Ты обещал решить». Там были фотографии. Его рука на её бедре. Её босые ступни на сером пледе. Две чашки кофе на подоконнике. Та самая рубашка, которую я подарила ему на прошлый день рождения, валялась на полу у чужой кровати. Я смотрела на неё и чувствовала, как во рту становится солоно. Прикусила губу до крови и лишь тогда поняла, что всё это время кусала её зубами.

— Вера Викторовна? — врач опустил передо мной на корточки. — Вы меня слышите?

Я подняла на него глаза. Мужчина лет сорока пяти, усталый, с красной полосой от маски на переносице. На халате было крошечное пятно крови. Возможно, Глеба. Возможно, чьей-то ещё. За дверями реанимации люди боролись за жизнь моего мужа, а я сидела с его изменой в руках и думала, что не знаю, чего хочу больше: чтобы он выжил или чтобы мне никогда больше не пришлось смотреть ему в лицо.

— Женщина, которая была с ним... — спросила я хрипло. — Что с ней?

Врач отвёл взгляд. Этого хватило. Я встала слишком резко, колени подломились, и я схватилась за спинку стула. Мир качнулся, стены потемнели. Алина была мертва. Моя лучшая подруга, крестная моей дочери, женщина, которая зна-

ла, где я храню запасные ключи, какие таблетки пью от мигрени и как Глеб смешно храпит, если спит на спине. Мёртвая. Я должна была чувствовать горе. Должна была вспоминать, как мы познакомились на первом курсе, как она держала меня за руку в роддоме, пока Глеб мчался через пробки, как мы вместе красили детскую Маши. Вместо этого меня душило такое унижение, что хотелось содрать с себя кожу. Телефон завибрировал. На экране высветилось «Мама Алины». Я не ответила.

Мой собственный телефон лежал рядом. Пять пропущенных от мамы, три от свекрови, сообщение от няни Маши: «Вера, всё нормально? Маша уснула, я могу остаться сколько нужно». Нормально. Какое чудовищное слово. У меня муж лежал за стеной после операции. Моя подруга лежала этажом ниже под белой простынёй. А я знала, что эти двое несколько месяцев встречались за моей спиной и, видимо, сегодня решили отметить нашу годовщину вдвоём.

Я снова открыла переписку. Мне хотелось найти начало. Понять, когда всё это началось и как я ничего не заметила. Первые сообщения были почти невинными. Алина спрашивала про подарок для Маши. Глеб отвечал. Потом обсуждали мой день рождения. Потом в октябре она написала: «Она опять плакала?» Он ответил: «Да. Устала. Я тоже». Через два дня: «Спасибо за вчера». Через неделю: «Не могу перестать думать». Я дошла до фотографии гостиничного номера и закрыла глаза. В ноябре у меня умер отец.

В ноябре я почти не спала, разбирала его вещи, ездила к матери, работала из дома, потому что не могла оставить её одну. Глеб говорил, что устал от моей вечной печали. Потом извинялся, обнимал меня на кухне, варил кофе. Алина приезжала ко мне и сидела рядом до ночи. И где-то между моими слезами эти двое успели найти друг друга. Мне стало физически плохо. Я добежала до туалета, упала на колени перед унитазом, но желудок был пуст. Меня выворачивало сухими спазмами, от которых ломило рёбра. Я прижимала ладонь ко рту, чтобы не заорать. В соседней кабинке кто-то тихо плакал. В больнице вообще много плачут. Там никого не удивишь женщиной, которую трясёт на кафельном полу.

Когда я вернулась в коридор, там стояла свекровь. Тамара Павловна успела накинуть пальто поверх домашнего костюма, волосы были собраны криво, лицо серое. Она увидела меня и бросилась навстречу.

— Где он? Что врачи говорят? Вера, что произошло?

Она обняла меня, а я осталась деревянной. Эта женщина была мне почти матерью двенадцать лет. Она ничего не знала. Я увидела это по глазам. Ей было страшно за сына, и в её страхе не было ни капли стыда.

— Жив, — сказала я. — Оперируют.

— А кто был с ним? Мне сказали, в машине ещё женщина.

Я посмотрела на неё. Имя застряло на языке, тяжёлое, грязное, невозможное.

— Алина.

Свекровь моргнула.

— Какая Алина?

— Моя.

Она замерла. Потом взгляд упал на телефон Глеба в моей руке. Тамара Павловна была умной женщиной. Ей хватило нескольких секунд.

— Нет, — прошептала она. — Вера, нет. Ты, наверное, не так поняла.

Я рассмеялась. Звук получился страшный, похожий на всхлип.

— Конечно. Они, наверное, ехали обсуждать мой подарок к годовщине. В три часа ночи. В машине, которую он сказал, что оставил у офиса.

— Тише, пожалуйста.

— Не просите меня быть тише.

Она вздрогнула. Я редко повышала голос. За двенадцать лет брака мы с Глебом кричали друг на друга раза три. Мы считали себя взрослыми людьми, которые умеют разговаривать. Какая роскошь. Какая красивая оболочка у гнилой вещи. Дверь реанимации открылась. Врач назвал фамилию Глеба. Я поднялась раньше свекрови.

— Операция закончена. Состояние тяжёлое, но стабильное. Следующие часы важны. Есть черепно-мозговая травма, будем наблюдать. Он пока без сознания.

Тамара Павловна заплакала и прижала ладони к лицу. Я смотрела на врача и почему-то думала о том, что Глеб купил

мне серьги. Они лежали дома в бархатной коробочке. Вечером он позвонил и сказал, что застрял на встрече, но приедет до полуночи, откроем шампанское. Я накрыла стол. Маша нарисовала нам открытку с двумя смешными человечками под красным сердцем. Я надела новое платье, завila волосы и ждала. Он в это время был с Алиной.

— Можно его увидеть? — спросила свекровь.

— Позже. Сейчас нет.

Я отвернулась к окну. За стеклом начинался рассвет. Серое небо, мокрый снег, парковка, редкие фары. Город просыпался в день, когда моя семья умерла, хотя её глава ещё дышал. Телефон Глеба снова мигнул. На этот раз пришло системное напоминание. «Годовщина. Забрать цветы для Веры, 18:00». Я смотрела на эти слова, пока буквы не поплыли. Даже изменяя мне, он заказал цветы. Наверное, хотел приехать домой после Алины, поцеловать меня, открыть шампанское и сказать, что любит. И вот тогда меня наконец прорвало. Я согнулась пополам, зажала рот ладонью и разрыдалась так, как не плакала даже на похоронах отца. Не красиво, не тихо. С хрипом, соплями, дрожью, болью в животе. Свекровь потянулась ко мне, но я отступила.

— Не надо. Пожалуйста. Я сейчас не могу.

Она опустила руки. Я плакала по мужу, который был жив. По подруге, которую ненавидела и всё ещё любила. По себе той, что четыре часа назад стояла у зеркала, красила губы и думала, что у нас с Глебом трудный год, но мы справимся.

Теперь этой уверенности больше не было.

Глава 2

Глеб пришёл в себя через одиннадцать часов. К этому времени я успела съездить домой, принять душ, переодеться в чёрные джинсы и серый свитер, обнять Машу, соврать ей, что папа попал в аварию один, и снова вернуться в больницу. Я двигалась как человек, которому выдали инструкцию и отключили чувства. Зубная щётка. Вода. Кофе. Документы. Позвонить в страховую. Забрать зарядку. Поцеловать дочь. Не смотреть на фотографию Алины в телефоне. Не открывать переписку. Не думать. Если я останавливалась хотя бы на минуту, внутри начинало рвать. Маша сидела на кровати в пижаме с жёлтыми звёздами и держала моё лицо обеими ладонями.

— Папа умрёт?

— Нет.

Я ответила слишком уверенно, будто могла приказывать смерти держаться от нашей семьи подальше. Дочь всматривалась в меня огромными серыми глазами Глеба, и мне захотелось разбить что-нибудь об стену. Даже ребёнок теперь напоминал о нём. Его линия бровей, ямочка на левой щеке, привычка морщить нос, когда думает.

— Ты плакала?

— Испугалась.

— Я тоже боюсь.

Она прижалась ко мне, и я обняла её так крепко, что Маша пискнула. В этот момент я поняла одну мерзкую вещь: что бы Глеб ни сделал со мной, он оставался её отцом. Я могла вычеркнуть мужа из собственной постели, из квартиры, из будущего. Из Маши его не вырежешь. И вся моя ярость должна будет как-то научиться жить рядом с детской любовью к человеку, который растоптал меня. В больнице меня встретил нейрохирург. Он говорил спокойно, без лишнего оптимизма. Глеб реагировал на обращение, узнавал себя, называл дату рождения. С памятью были странности. Последние события он путал. Врач предупредил, что после травмы такое бывает и выводы делать рано.

— Он спрашивает вас.

Я остановилась у двери палаты. Внутри пахло антисептиком, лекарствами и чем-то металлическим. Глеб лежал бледный, с перевязанной головой, на лице ссадины, под глазом наливался тёмный синяк. Мужчина, с которым я прожила половину взрослой жизни, вдруг выглядел чужим и беспомощным. Мне стало страшно от собственной реакции. Я ожидала ненависти. Вместо неё сердце судорожно дёрнулось от жалости. Он услышал шаги и открыл глаза. Серые. Мутные после наркоза, но знакомые до боли. Глеб посмотрел на меня несколько секунд, а потом улыбнулся. Так тепло, мальчишески, как когда-то в начале нашей жизни, когда мог встретить меня у метро с кофе и считать это событием дня.

— Верка...

Я отшатнулась. Улыбка исчезла.

— Что?

Я не могла говорить. Горло схватило спазмом. Он поднял руку, поморщился от боли и попытался дотянуться до меня.

— Иди сюда. Я, кажется, здорово вас напугал.

«Вас». Меня и Машу. Свою семью. Как мило.

— Какой сейчас месяц? — спросила я.

Он нахмурился.

— Что?

— Месяц назови.

— Январь.

У меня похолодели пальцы. Был конец марта.

— Год?

Он назвал прошлый. Я медленно села на стул, потому что ноги перестали держать.

— Последнее, что ты помнишь?

Глеб прикрыл глаза, пытаясь поймать мысль.

— Мы после Нового года собирались к твоей маме. Маша капризничала из-за контрольной. Ты ещё смеялась, что я больше неё переживаю из-за математики. Потом... — Он замолчал. — Не знаю. Какая-то каша.

Я знала эту поездку. Четырнадцать месяцев назад. Тогда отец был жив. Тогда Алина ещё не писала Глебу ночами. Тогда он всё ещё целовал меня в затылок, проходя по кухне. Я встала.

— Позову врача.

— Вера.

Я взялась за ручку двери.

— Что со мной? Почему ты такая?

Хотелось развернуться и бросить ему телефон на грудь. Хотелось показать фотографии. Прочитать каждую строчку. Кричать, пока швы на его голове не разойдутся. Вместо этого я вышла в коридор и прислонилась спиной к стене. Врач выслушал меня, задал Глебу вопросы, потом отвёл в сторону.

— Похоже на ретроградную амнезию. Какой объём памяти потерян, пока сказать трудно. Она может возвращаться фрагментами. Может восстановиться почти целиком. Может остаться пробел.

— Четырнадцать месяцев?

— По его ответам — ориентировочно. Будем обследовать.

Я рассмеялась одним выдохом.

— Удобно.

Врач посмотрел внимательно.

— Для него это не удобство. Потеря памяти после травмы сама по себе тяжёлое состояние.

— Я понимаю.

Не понимала. Не хотела понимать. Моему мужу судьба подарила роскошь забыть всё, за что я уже его ненавидела. Тамара Павловна приехала через час. Она прошла к сыну, а я осталась внизу у автомата с кофе. Бумажный стакан обжигал ладони. Я не пила. Смотрела, как по лестнице ходят люди, как санитар катит пустую каталку, как женщина в красном

пуховике разговаривает с кем-то по видеосвязи и улыбается. Мир продолжал жить с неприличной лёгкостью. Свекровь вернулась бледнее прежнего.

— Он и правда ничего не помнит.

— Я заметила.

— Вера...

— Не надо защищать его.

— Я не защищаю. Я сама не знаю, что сказать. Но сейчас он больной человек.

Меня передёрнуло.

— А вчера был здоровый. И очень занятой.

Тамара Павловна села напротив. Её пальцы дрожали.

— Что ты собираешься делать?

— Заберу Машу к маме на пару дней. Потом вернусь домой. Глеб после выписки поедет к вам.

— Может, не решай сейчас? Ты в шоке.

Я наклонилась к ней. Голос стал тихим, и от этого она выпрямилась.

— Ваш сын снимал квартиру для встреч с моей лучшей подругой. Он ложился с ней в постель, а потом приходил домой. Врал мне в лицо. Вы хотите, чтобы я привезла его обратно в нашу спальню, потому что у него болит голова и он ничего не помнит?

— Нет. Я лишь думаю о Маше.

— Я тоже. Только Глеб, похоже, о ней думал недостаточно.

Свекровь заплакала. Мне стало стыдно. Не за слова. За то, что больно сделала женщине, которая ничего не совершала. Я отвела взгляд и сжала стакан так сильно, что крышка слетела, кофе пролился на пальцы.

— Чтоб тебя, — зашипела.

Тамара Павловна подала салфетки.

— Он спросил, почему ты ушла.

— И что вы сказали?

— Что вам надо поговорить, когда врачи разрешат.

— Спасибо.

— Вера, я на твоей стороне. Что бы ты не решила.

Я кивнула. От этих слов стало ещё хуже. Хотелось, чтобы кто-нибудь объявил Глеба невиновным, доказал ошибку, монтаж, сумасшествие. Чтобы свекровь вырвала телефон и сказала, что всё это не он. Но она не сказала. К вечеру Глеба перевели в обычную палату. Я пришла забрать его вещи и застала его сидящим, опираясь на поднятое изголовье. Он выглядел усталым, но взгляд стал яснее.

— Сядь, — попросил он.

Я осталась у окна.

— У меня дома дочь.

— Няня с ней?

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Он помнил имя няни. Помнил расписание Маши. Помнил, где лежат мои серьги. И не помнил Алину.

— Да.

— Врач сказал, у меня дыра почти на полтора года. Ты можешь рассказать, что было?

Я смотрела на него и думала, сколько жестокости способен выдержать человек после операции. Потом вспомнила фотографию его ладони на бедре Алины.

— Умер мой отец.

Глеб побледнел.

— Виктор Сергеевич?

— В ноябре. Инфаркт.

Он закрыл лицо рукой. Плечи дёрнулись. Мой отец любил его. Называл сыном. Глеб сидел на похоронах рядом со мной, держал меня за руку. Теперь переживал эту смерть заново.

— Я не помню... — хрипло сказал он. — Вера, я не помню похорон.

— Повезло.

Он опустил руку.

— Что ещё?

— Я получила повышение. Маша заняла второе место на олимпиаде. Мы на осенних каникулах ездили в Сочи. Ты обгорел в первый день и потом три дня ныл.

Уголок его рта дёрнулся, но улыбка не родилась.

— Почему ты на меня так смотришь?

Настал момент. Я поняла это по тишине в палате, по собственному пульсу в ушах, по тому, как Глеб перестал двигаться.

— Потому что ты мне изменял.

Он моргнул.

— Что?

— Несколько месяцев. С Алиной.

— С какой Алиной?

Я почувствовала вкус крови. Опять кусала губу.

— С моей лучшей подругой.

Глеб смотрел на меня, и на его лице медленно появлялось выражение ужаса.

— Это бред.

Я достала его телефон.

— Очень хотелось бы.

Он протянул руку. Я не дала.

— Женщина, которая была с тобой в машине, Алина. Она погибла.

Глеб застыл. На мониторе участился писк.

— Нет.

— Да.

— Я... Вера, я не мог.

— Мог. Отлично справлялся.

— Покажи.

В этом слове было столько отчаяния, что меня на секунду качнуло. Потом я разблокировала экран и положила телефон на кровать. Глеб взял его обеими руками. Я не стала смотреть, как человек знакомится с собственной грязью. Вышла в коридор и дошла до окна. Через несколько минут из палаты раздался глухой удар. Медсестра рванула к двери.

Я за ней. Телефон лежал на полу. Глеб сидел, согнувшись, ладонями держался за голову. На экране светилась фотография: он целует Алину в висок, она улыбается, прижимаясь щекой к нему.

— Уберите это, — сказал он сквозь зубы. — Уберите, быстро!

Медсестра посмотрела на меня. Я подняла телефон. Глеб схватил меня за запястье.

— Верка, я клянусь, я её не помню.

Я выдернула руку.

— А я помню.

Он замер.

— Я помню, как она сидела у меня на кухне. Как ты говорил, что задержишься. Как я ждала вас обоих и считала родными. Так что не переживай, Глеб. Памяти у нас хватит.

Я вышла. За дверью он позвал меня по имени. Один раз. Второй. Я шла по коридору и впервые за пятнадцать лет не обернулась.

Глава 3

На похороны Алины я пришла в чёрном пальто, которое она сама помогла мне выбрать два года назад. Это было настолько нелепо, что я полчаса стояла перед шкафом и не могла решить, снять его или оставить. Перед глазами всплывала Алина в примерочной: короткая рыжая стрижка, яркая помада, тонкие пальцы на воротнике моего пальто. «Бери, Верка. Ты в чёрном выглядишь опасной». Тогда мы смеялись. Теперь я застегнула те же пуговицы и подумала, что опасной не выгляжу. Выгляжу женщиной, которую переехала собственная жизнь. Машу я оставила у мамы. Дочери сказала, что крестная погибла в той же аварии, что и папа. Она заплакала, потом спросила, почему Алина была с ним. Я ответила, что они ехали по делам. Ложь вышла легко. Вот что самое мерзкое: прожив рядом с лжецом, ты тоже учишься врать без стеснения.

На кладбище было холодно. Мартовский ветер забирался под ворот, мокрый снег лип к волосам. Людей пришло много. Коллеги Алины, родственники, соседи, наши общие знакомые. Некоторые уже знали. Я видела это по взглядам, которые задерживались на мне на секунду дольше. Чужое несчастье всегда собирает любопытство быстрее цветов. Мама Алины, Ирина Михайловна, увидела меня у ограды и пошла ко мне. Я приготовилась к чему угодно: к пощёчине, к

обвинениям, к тому, что она потребует уйти. Она обняла меня.

— Верочка...

Я застыла в её руках. От неё пахло валерьянкой и духами, которые Алина дарила ей на Новый год. Я знала эти духи. Я вообще слишком много знала про их семью.

— Простите, — выдавила я.

За что? За то, что её дочь погибла рядом с моим мужем? За то, что я её ненавижу? За то, что часть меня рада, что мне не придётся увидеть Алину живой и услышать объяснения? Ирина Михайловна отстранилась. Лицо осунулось за несколько дней, губы дрожали.

— Я всё знаю.

У меня похолодел живот.

— Что именно?

— Про них.

Я смотрела на неё, не моргая.

— Давно?

Она отвела глаза. И вот тут горе отступило. На его место пришла ярость, чистая, холодная, такая сильная, что я перестала чувствовать ветер.

— Вы знали?

— Алина рассказала мне месяц назад. Я просила её закончить. Сказала, что это ужасно, что ты... что вы столько лет дружили. Она плакала. Говорила, что любит его.

Мне показалось, земля под ногами стала мягкой.

— Месяц.

— Верочка...

— Вы месяц смотрели мне в глаза и молчали?

— Мы виделись один раз.

— На вашем юбилее. Вы посадили меня рядом с Алиной.

Глеб сидел напротив.

Она закрыла рот ладонью. Я помнила тот вечер. Ирина Михайловна отмечала шестидесятилетие. Алина настояла, чтобы мы пришли всей семьёй. Глеб подарил ей огромный букет от нас обоих. Я фотографировала мать и дочь. Потом мы пили шампанское, и Алина несколько раз исчезала на кухне. Теперь я знала, кто выходил туда следом.

— Я не знала, как сказать, — прошептала Ирина Михайловна.

— Никак. Уже не надо.

Я отошла. Похороны прошли как в мутной воде. Люди говорили правильные слова. Священник читал молитвы. Ирина Михайловна рыдала над гробом. Я стояла в стороне и смотрела на лицо Алины. Она была очень красивая даже мёртвая. Косметика скрывала синяки, волосы уложили так, как она любила. Я вспоминала, как она смеялась, как ругалась на мужчин, как забирала Машу к себе на выходные. И одновременно видела её босые ноги на фотографии из квартиры, которую снимал мой муж. Хотелось плакать. Хотелось плюнуть в могилу. От обеих мыслей меня тошнило. После кладбища я не поехала на поминки. Села в машину и дол-

го не заводила двигатель. На стекле таял снег. Телефон завибрировал. Глеб. Я сбросила. Он позвонил ещё раз. Я снова сбросила. Пришло сообщение: «Мне надо с тобой поговорить. Я кое-что вспомнил». Сердце ударило так, что стало больно.

Я прочитала сообщение трижды. Потом написала: «Что?» Ответ пришёл через минуту. «Не по телефону». Я ударила ладонью по рулю.

— Конечно. Театр тебе нужен!

До больницы ехала сорок минут. Я злилась на себя всю дорогу. Могла не ехать. Могла отправить его лесом. Но от одной мысли, что в его голове появился кусок той жизни, которую он у меня украл, меня трясло. Глеб уже ходил по палате. Медленно, держась за спинку стула. На нём была больничная футболка, спортивные штаны, волосы коротко состригли вокруг шва. Он похудел за несколько дней, скулы заострились.

— Ты была на похоронах? — спросил он.

Я молча сняла пальто.

— Как её мать?

— Ты правда решил поговорить со мной о матери своей любовницы?

Он вздрогнул.

— Извини.

— Что вспомнил?

Глеб сел на кровать. Несколько секунд смотрел в пол.

— Руку.

— Чью?

— Алины.

Я перестала дышать.

— Где?

— Не знаю. В машине, наверное. Или в квартире. На ней кольцо с зелёным камнем. Я держу её за запястье. Она говорит, чтобы я отпустил.

У Алины было кольцо с изумрудом. Я подарила ей его на тридцатилетие. Я села на стул.

— Ещё?

— Запах. Её духи. И кухня какая-то. Серые шкафы. Я стою у окна, она орёт.

Серая кухня была в квартире на фотографии.

— Что она говорит?

Глеб провёл ладонью по лицу.

— Не помню. Только ощущение, что мне надо уйти.

Меня скрутило от злости.

— Домой? Ко мне?

— Возможно.

— Как благородно.

— Вера, я не пытаюсь себя оправдать.

— Ты пока даже не знаешь, что оправдывать.

Он поднял глаза.

— Я прочитал переписку до конца.

Я засмеялась без радости.

— Поздравляю. Как впечатления?

— Мерзко.

— Мне тоже.

— Я не узнаю себя в этих сообщениях.

— А я узнаю. Там твои любимые словечки. Твои шутки. Ты даже ей писал «не дури», когда она начинала давить. Мне то же самое говорил.

Глеб сжал кулаки.

— Я понимаю, что это был я.

— Нет. Пока ты понимаешь головой. А я это прожила. Я сидела дома и ждала тебя, когда ты был с ней. Я рассказывала ей, что мы отделились. Она утешала меня, а потом ехала к тебе. Ты мог хотя бы выбрать кого-то чужого, Глеб. Какую-нибудь женщину, которую я никогда не видела. Но вам двоим понадобилось залезть ко мне под кожу.

— Я не знаю, почему это сделал.

— А мне плевать почему.

Я соврала. Мне было не плевать. Я умирала от желания знать. Что было во мне не так? Когда он впервые посмотрел на Алину как на женщину? Сравнивал ли нас? Возвращался ли домой после неё и чувствовал отвращение ко мне? Или, наоборот, спокойно ложился рядом? Глеб смотрел на мои руки. Я тоже. Пальцы дрожали.

— Вера, я бы хотел вернуть память.

— А я бы хотела потерять свою.

Он закрыл глаза.

— Я должен был погибнуть вместо неё?

Вопрос ударил неожиданно.

— Не смей перекладывать это на меня.

— Я не перекладываю. Я спрашиваю, потому что вижу, как ты на меня смотришь.

Я встала.

— Иногда думаю, что мне было бы легче, если бы ты погиб.

Глеб побледнел, но не отвёл взгляда. Я ненавидела себя за эти слова уже в тот момент, когда произносила их. И всё равно продолжила.

— Тогда я бы похоронила мужа, которого любила пятнадцать лет. Плакала бы, вспоминала хорошее. А теперь мне придётся хоронить его живым и знать, что хорошее тоже было испачкано.

Он медленно кивнул.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

Я схватила пальто.

— Вера.

— Что?

— Я вспомнил ещё кое-что.

Я застыла.

— Ты стоишь у двери той квартиры.

В груди провалилось.

— Что?

— Не внутри. На лестнице. У тебя в руках пакет с едой.

Ты звонишь Алине. Я вижу тебя через глазок.

Мир сузился до его лица. Я помнила тот день. В декабре Алина заболела. Я привезла ей суп и лекарства. Долго звонила в дверь, но она не открыла. Потом написала, что спала под таблетками. Я стояла в нескольких сантиметрах от мужа. От них обоих. Глеб смотрел на меня с таким ужасом, будто сам только что увидел ту дверь.

— Я был там, — прошептал он.

У меня зазвенело в ушах.

— Да.

— И не открыл.

Я улыбнулась. Наверное, страшно.

— Вот теперь ты начинаешь знакомиться с собой.

Глава 4

Ночью после похорон я разбила свадебную фотографию. Не специально. Я сняла рамку со стены, потому что больше не могла видеть нас улыбающимися на фоне августовского сада. Глеб там обнимал меня за талию, я прижималась к нему щекой, на руке блестело кольцо. Хотела убрать фотографию в шкаф. Пальцы ослабли, рамка упала на паркет, стекло разлетелось по комнате. В этот момент из коридора донёсся голос Маши:

— Мам?

Я дёрнулась к двери и наступила босой ногой на осколок. Боль была резкая. Впервые за несколько дней что-то болело там, где можно было увидеть рану. Я села на край кровати, подняла ступню и увидела кровь. Она стекала по пятке, капала на светлый пол. Маша вошла раньше, чем я успела убрать стекло.

— Мамочка!

— Стой на месте.

Она замерла. В её глазах мгновенно выступили слёзы.

— Ты порезалась.

— Ерунда. Тапочки надень и принеси аптечку.

Дочь убежала. Я смотрела на красные капли между осколками и думала, что название для моей жизни найдено. Босиком по стеклу. Ты идёшь, потому что ребёнок зовёт из

другой комнаты, потому что утром работа, потому что надо оплатить счета, сварить суп, позвонить врачу. И каждый шаг режет, но остановиться нельзя. Маша вернулась в розовых тапках, таща аптечку обеими руками. Я вытащила маленький осколок пинцетом, обработала порез. Она сидела рядом, поджав ноги.

— Почему ты сняла вашу фотографию?

Я замерла. Дети замечают всё. Особенно то, что взрослые из всех сил пытаются скрыть.

— Хочу немного изменить комнату.

— Папа домой вернётся?

— После больницы поживёт у бабушки Тамары.

— Почему?

Я приклеила пластырь и убрала окровавленную вату.

— Ему так будет удобнее восстанавливаться.

Маша нахмурилась. Она была слишком умной для дешёвых объяснений.

— Вы поссорились?

— Да.

— Из-за тёти Алины?

У меня замерло сердце.

— Почему ты спрашиваешь?

— Она была с папой в машине. Ты теперь не любишь её.

Я видела, как ты удалила её фотографию из заставки.

Мы с Алиной несколько лет держали общую фотографию в чате нашей маленькой компании. Маша заметила и это. Я

подтянула дочь к себе.

— У взрослых случилась очень плохая история. Я расскажу тебе, когда буду понимать, как сказать правильно.

— Папа виноват?

Я закрыла глаза.

— Папа сделал то, что меня сильно ранило.

— А тётя Алина?

— Тоже.

Маша долго молчала. Потом спросила совсем тихо:

— Она умерла из-за этого?

Я прижала её голову к груди.

— Нет. Она погибла в аварии. Это другое.

Дочь заплакала. Я гладила её волосы, а сама смотрела на разбитую фотографию. Мне хотелось плакать вместе с ней, но слёз не осталось. Внутри было сухо, будто меня выжгли. Глеба выписали через неделю. Тамара Павловна забрала его к себе. Я не приехала. Отправила его одежду с курьером и получила сообщение: «Спасибо». Через час ещё одно: «Маша сможет приехать?» Я смотрела на экран долго. В животе сворачивался тяжёлый ком. Хотелось ответить, что он потерял право спрашивать. Но это было бы ложью. Право на дочь он не потерял. «В субботу привезу к двенадцати». Он написал: «Хорошо».

Никаких сердечек. Никаких просьб поговорить. От этого бесило ещё сильнее. Я сама запретила ему давить, а теперь злилась, что он послушался. Предательство делает тебя че-

ловеком, которого ты не узнаёшь. Ты хочешь, чтобы виновный страдал, но когда он страдает не на твоих глазах, кажется, что недостаточно. В пятницу мне позвонил риелтор.

— Вера Викторовна, добрый день. Простите, что беспокою. Я по квартире на Берёзовой. Глеб Андреевич оставлял ваш номер как резервный контакт. Аренда оплачена до конца месяца. Он будет продлеваться?

Я стояла посреди офиса и держала телефон так крепко, что побелели пальцы.

— Какой квартиры?

Женщина замялась.

— Однокомнатная, Берёзовая, двадцать семь. Он снимал с октября.

— Дайте адрес полностью.

Через сорок минут я уже стояла перед серой дверью на шестом этаже нового дома. Ключ нашёлся на связке Глеба, которую полиция вернула мне после аварии. Маленький, с синей пластиковой меткой. Я видела его сотни раз и думала, что он от офиса. Ключ повернулся. Дверь открылась. Я вошла в квартиру, где у моего мужа была вторая жизнь. Серая кухня. Именно та, которую он вспомнил. Два высоких стула у стойки. Кофемашина. На холодильнике магнит из Калининграда. Мы с Глебом никогда там не были. В прихожей стояли женские белые кеды. На крючке висел тонкий плащ Алины. Я протянула руку и коснулась ткани. От плаща пахло её духами. Меня накрыло. Я прислонилась лбом к стене

и дышала через рот. В памяти Алина смеялась у меня дома. «Верка, мужики все одинаковые. Только твой Глеб ещё более-менее». Я тогда кинула в неё кухонным полотенцем. Она увернулась.

Спальня оказалась маленькой. Кровать, тумбочки, шкаф. На подоконнике засохший цветок. Я открыла шкаф и увидела рубашку Глеба. Не ту с фотографии, другую. Его домашние спортивные штаны. Бритву. Дезодорант. Зарядку. Он здесь жил. Не постоянно, но достаточно, чтобы оставить часть себя.

На тумбочке лежала книга Алины, раскрытая страницами вниз. Я машинально подняла её и увидела под ней открытку. «Для нашего дома. А.» Я перевернула. На лицевой стороне был нарисован ключ. Нашего дома. Колени подкосились. Я села на пол рядом с кроватью и держала картонку в руках. Вот оно. Не гостиничный номер. Не случайная близость после пьянки. Они придумали себе дом. Второй. Тайный. В котором не было меня и Маши. На кухне что-то звякнуло. Я вздрогнула так, что открытка выпала. В квартире был человек.

Я поднялась и схватила первый предмет, который попался под руку, тяжёлую настольную лампу. В коридоре слышались шаги. Дверь спальни открылась. На пороге стоял Глеб. Он был бледный, в тёмной куртке, шрам над виском ещё красный. В руке держал свои ключи. Мы смотрели друг на друга в квартире, где он изменял мне.

— Ты что здесь делаешь? — спросила я.

— Риелтор позвонила матери. Сказала, что не может дозвониться до меня. Я понял, о какой квартире речь, когда увидел адрес в договоре.

— И приехал посмотреть на гнездо любви?

Он стиснул челюсть.

— Хотел понять.

Я подняла открытку.

— Понимай. «Для нашего дома». Очень мило. Даже почерк у неё счастливый.

Глеб взял открытку, прочитал. Его лицо изменилось.

— Я этого не помню.

— Перестань повторять.

— Что мне ещё сказать?

— Ничего. Мне от тебя уже ничего не надо.

Я прошла мимо него к двери. Он поймал меня за локоть. Я резко развернулась.

— Убери руку.

Глеб отпустил.

— Вера, подожди. Здесь есть ноутбук.

Я посмотрела на стол у окна. Серебристый компьютер стоял закрытым.

— И что?

— Я думаю, он мой. Такой же был у меня рабочий.

— Поздравляю с находкой.

— Там может быть то, что нам обоим нужно узнать.

— Нам?

— Тебе — что происходило. Мне — кем я был.

Я подошла ближе, почти вплотную. Он был выше, и раньше мне нравилось задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо. Теперь от этого движения ломило шею.

— Ты хочешь расследовать свою измену вместе со мной?

— Нет. Я хочу перестать узнавать о себе от тебя, когда ты уже раздавлена очередной деталью.

Я ударила его открыткой по груди.

— Поздно.

Глеб поймал картонку, сжал пальцами.

— Тогда возьми ноутбук.

— Зачем?

— Потому что я боюсь открывать его один.

Эта фраза попала неожиданно. Я увидела в нём страх. Настоящий. Не страх потерять меня — с этим, похоже, уже всё было ясно. Страх увидеть собственное лицо там, где он себя не помнил. Я отвернулась.

— Пароль знаешь?

— Старый не подходит.

— Попробуй дату рождения Алины.

Он посмотрел на меня, как будто я ударила.

— Вера.

— Пробуй.

Мы сели за стол. Глеб ввёл цифры. Пароль подошёл. Я засмеялась так тихо, что самой стало жутко.

— Какая романтика.

На рабочем столе была папка без названия. Внутри фотографии, бронирования, несколько видео. Я уже собиралась закрыть, когда увидела файл с датой нашего прошлого Нового года. Глеб нажал. На экране появилась эта кухня. Алина снимала на телефон. Глеб стоял у окна в белой футболке, наливал вино.

— Скажи ещё раз, — смеясь, попросила она за кадром.

Он повернулся к камере.

— Что именно?

— Что завтра не уедешь.

Глеб на видео улыбнулся, подошёл ближе и забрал у неё бокал.

— Завтра я буду дома.

— С ней?

— С моей семьёй, Алин.

— А я кто?

Он устало выдохнул.

— Не начинай.

Видео оборвалось. Мы сидели в тишине. Я смотрела на живого Глеба рядом и на того, другого, замершего на чёрном экране. И впервые поняла страшную вещь. Он не собирался уходить от меня. Он собирался возвращаться. Снова и снова. Как будто у человека действительно может быть два дома, если он достаточно хорошо врёт.

Глава 5

Мы вышли из квартиры молча. Глеб забрал ноутбук, я сунула открытку в сумку, хотя сама не понимала зачем. Наверное, хотела иметь вещественное доказательство того, что не сошла с ума. Что квартира существовала. Что на её кухне стояли две чашки, в ванной лежала его бритва, а на картонке почерком моей мёртвой подруги было написано «для нашего дома». Такие вещи невозможно объяснить усталостью в браке, кризисом среднего возраста или глупой ошибкой. Ошибка длится минуту. Иногда вечер. У них был ключ, кофемашина и плед. У подъезда Глеб остановился. Ветер ударил ему в лицо, он поморщился и приложил пальцы к виску. После больницы он ещё быстро уставал, иногда терял равновесие, но я больше не могла видеть в этом повод смягчиться. Жалость сидела во мне рядом с ненавистью, и от их соседства хотелось выть.

— Я отвезу ноутбук специалисту, — сказал он. — Пусть скопирует всё на отдельный диск.

— Не надо мне присылать всё подряд.

— Тогда скажи, что тебе нужно.

Я посмотрела на него.

— Мне нужно проснуться четырнадцать месяцев назад.

Глеб опустил глаза.

— Этого я не могу.

— Вот и я о том.

Я пошла к машине. Он окликнул меня.

— Вера.

Я обернулась.

— Маша завтра приедет?

— Да.

— Я ей ничего не скажу без тебя.

— Хорошо.

Он кивнул, будто мы обсуждали расписание секции. Меня перекосило от этой нормальности. Хотелось, чтобы мир вокруг нас тоже выглядел разрушенным. Чтобы асфальт треснул, окна повывлетали, люди перестали смеяться. Вместо этого парень в соседнем дворе вытряхивал коврик из машины, женщина выгуливала шпица, курьер ругался с навигатором. Никому не было дела до того, что я стояла напротив собственного мужа и уже не знала, кто он. Дома я спрятала свадебную фотографию в коробку. Стекло собрала пылесосом, пол вымыла дважды. Порез на ступне ныл под пластырем. Каждый раз, когда наступала на пятку, вспоминала разбитую рамку и думала, что боль хотя бы честная. Она не целует тебя утром, а вечером не ложится в чужую кровать.

Маша вернулась из школы возбуждённая. С порога рассказала про контрольную, про Настю, которая подсмотрела ответ, про учительницу, уронившую указку. Я слушала и делала вид, что моя голова здесь, на нашей кухне, а не в серой квартире на Берёзовой. Дочь открыла холодильник, достала

йогурт и спросила:

— Завтра к папе в двенадцать?

— В двенадцать.

— Можно я останусь до вечера?

— Можно.

Она обернулась.

— А ты не поедешь?

— Мне надо поработать.

— В субботу?

— Бывает.

Маша нахмурилась. В ней просыпалось подозрение, и я ненавидела Глеба ещё сильнее за то, что вынуждена врать собственному ребёнку. На следующий день я привезла её к Тамаре Павловне. Глеб открыл дверь сам. На нём были тёмные спортивные брюки и тонкий свитер, лицо ещё хранило следы аварии. Маша бросилась к нему, и он присел, несмотря на боль, поймал дочь в объятия. Я отвернулась к лестничной клетке.

— Папа, у тебя ужасный шрам! — услышала я.

— Спасибо, дочь. Поддержала.

— Я не говорю, что ты страшный. Ты красивый, только битый.

Он рассмеялся. Этот смех ударил под рёбра. Домашний. Наш. Так смеялся мужчина, который по воскресеньям жарил блины, ругался на пылесос и подбрасывал Машу к потолку, когда она была маленькой. Как совместить его с человеком

из видео? Я не могла. Они оба жили в одном теле, и один из них всё ещё заставлял меня любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.